

Полина
Матвеева

Ноктера

Полина Матвеева

Ноктера

<https://litres.ru/74183917>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где реальность — это код, а люди — лишь строки в бесконечном тексте, существует тайный Орден Архивариусов, охраняющих хрупкий баланс между идеальным порядком и хаосом.

Виктор - один из хранителей равновесия мироздания. Но загадочное предательство лишило его памяти и изгнало в место, где реальность трещит по швам. Теперь он должен вспомнить своё прошлое и раскрыть страшную правду о системе, которая кажется идеальной.

Сможет ли Виктор разгадать тайны своего прошлого и спасти мир от надвигающейся катастрофы, или система окончательно поглотит его, стерев из реальности?

Содержание

Глава	4
ГЛАВА 1. Ноктера	5
ГЛАВА 2. Природа Бреши	13
ГЛАВА 3. Архивариусы	20
ГЛАВА 4. Троица из ТирМорана	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ноктера

Глава

История эта записана по воспоминаниям Эллы, верховной жрицы из Тир-Морана. Уцелевшие элементы позволяют датировать описанные события около 4050 годов, хотя, как и со многими устными преданиями и обрывочными историями, многое в ней является поздними наслоениями и многие моменты нам не узнать.

Небезынтересно, что рассказы о подобных событиях появляются и в других системах Истока под глифом «Эксперимент».

ГЛАВА 1. Ноктера

Сделай глубокий вдох читатель. Чувствуешь? Воздух здесь другой. Он пахнет прелой листвой и тревожным ожиданием ливня, который собирается не в небе, а в самой ткани мироздания.

Ты просил показать тебе всё. Открыть каждую дверь в этой скрипящей, огромной, пятиярусной избы, которую мы называем Ноктерой. Что ж, ступай за мной. Держись крепче. Почва под ногами сейчас исчезнет.

Мы отправляемся вглубь.

Аэтирион: Лес, вывернутый наизнанку

Представь себе тайгу. Но не нашу земную, где сосны покорно клонятся под тяжестью снега. Представь тайгу, которая бросила вызов самому тяготению.

Как только ты ступаешь на влажный, пружинящий мох Аэтириона, твой вестибулярный аппарат сходит с ума. Небо здесь не сверху. Оно... везде. В серебряном, холодном свете трех лун, висящих в пустоте, как зоркое око ночной совы, ты

видишь их. Деревья. Исполины с обхватом ствола в десятки метров. Но растут они не вверх. Их дряхлые, могучие кроны, полные темной, игольчатой листвы, стелются по земле, образуя густой непролазный подлесок. А вверх, в бездонную космическую высь, уходят корни.

Это зрелище завораживает и пугает. Сотни тысяч узловатых, покрытых космическим лишайником щупалец тянутся к звездам. Зачем? Они пьют небесную росу. Они ловят звездный ветер.

И вдруг ты слышишь гул. Тяжелый, нарастающий. Это не ветер. Это река.

Но вода здесь не ищет низины. Могучие, прозрачные до самого дна потоки отрываются от скалистых русел и с ревом устремляются вверх, в небеса. Они текут вспять, извиваясь в воздухе, как гигантские водяные змеи. Рыба в этих реках - серебристая, с крыльями-плавниками - идет на нерест прямо в облака, пробиваясь сквозь пенные пороги, висящие в невесомости.

Жизнь здесь требует сноровки. Местные охотники не ходят по земле - они скользят по переплетениям крон, словно пауки-серебрянки по водной глади. Один неверный шаг, одна гнилая ветка - и ты не упадешь вниз. Тебя утянет вверх,

в безжалостные объятия холодных небесных течений. Аэтрион не прощает слабости. Это мир первозданной, дикой, вывернутой наизнанку силы, где каждое утро начинается с того, что солнце всходит из-под земли. Но даже этой могучей природе нужен огонь. И за ним мы спускаемся на самое дно.

Эверхолд: Жерло Ноктеры

Здесь царит вечная, удушливая тьма, разорванная лишь багровыми всполохами. Добро пожаловать в Эверхолд.

Когда-то, возможно, здесь пели птицы. Теперь здесь поет только металл. Этот мир - сплошная, истерзанная полость. Представь себе гигантский муравейник, выдолбленный в теле мертвой планеты, где вместо муравьев копошатся чумазные, прокопченные до костей шахтеры. Воздух здесь плотный, сухой, он царапает горло угольной пылью и пахнет паленой серой.

Они ищут не золото. Золото здесь - мусор. Они ищут звездный уголь.

Что это такое? Это окаменевший свет давно умерших звезд. Куски черной, пористой породы, внутри которой бьется, пульсирует живой, нестерпимо яркий жар. Если взять такой кусок в руку, кажется, что держишь костер в руке. Шах-

ты Эверхолда уходят в такую глубину, где, кажется, уже начинается преисподняя. Буры вгрызаются в породу с монотонным, ритмичным стуком, похожим на стук гигантского дятла, долбящего железное дерево. Породу сопротивляется. Она стоит, осыпается, хороня под собой неосторожных. Но работа не останавливается ни на секунду.

Этот уголь - кровь системы. Без него погаснут топки на Аэтирионе, замерзнут сады, рухнут мосты. Эверхолд - это мозолистые руки Ноктеры. Это пот, грязь и бесконечный, изматывающий труд в адском пекле. Здесь нет романтики звездных далей. Здесь есть только норма выработки и шахтная клеть, уходящая во тьму под скрежет ржавых тросов. И когда ты уже готов задохнуться от этого жара, тебя окутывает сырость.

СирВейл: Заводь остановившегося времени

После грохота Эверхолда здесь оглушительно тихо.

Ты стоишь на берегу. Под ногами чавкает сырой, черный торф. Впереди - бесконечная гладь воды, густой и темной, как остывший деготь. А над всем этим висит туман.

Это не легкая утренняя дымка. Туман СирВейла - живой. Он плотный и тяжелый. Он клубится, перетекает, цепляется

за одежду влажными, холодными пальцами. Здесь никогда не бывает дня и никогда не наступает ночь. Вечные, беспроблесковые сумерки.

Время в СирВейле течёт иначе. Туман затягивает, замедляет его течение. Ты можешь идти по берегу час, а обернувшись, увидишь свои следы, которые уже успели порости бледным, светящимся мхом. Леса здесь состоят из искривленных, безлистных деревьев, чья кора покрыта капельками влаги, сияющими в полумраке, словно слезы.

В этой тишине кроется безумие.

Слышишь? Где-то в глубине тумана плеснула вода. Кто-то тяжело вздохнул. В СирВейле ты никогда не бываешь один, хотя редко видишь тех, кто делит с тобой эту сырость. Местные обитатели похожи на призраков: бледные тени, скользящие на длинных, узких лодках по черной воде. Они говорят шепотом, потому что громкий звук может разорвать туман.

Этот мир - кладовая меланхолии. Он высасывает энергию, убаюкивает, заставляет забыть, зачем ты вообще сюда пришел. Хочется сесть на поваленный, влажный ствол, смотреть на серую воду и ждать. Ждать вечно.

Но нам нельзя останавливаться. Подними голову. Сквозь

разрывы седой пелены ты увидишь их.

Облачный сад: Архипелаг хрупкой надежды

Мы вырываемся из сумерек. Яркий, режущий глаза свет бьет в лицо. Ветерок, свежий, пахнущий цветущим вереском, треплет волосы.

Под ногами нет земли.

Под ногами - пропасть.

Облачный сад - это чудо, бросающее вызов любому здравому смыслу. Представь себе тысячи островов, от крошечных скалистых глыб до огромных материков с озерами и лугами. И все они парят в безбрежном океане пушистых, ослепительно-белых облаков.

На этих островах буйствует жизнь. Трава здесь ярче изумруда, а птицы имеют оперение из чистого света. Они ныряют в облака, как чайки в море, вылавливая оттуда воздушный планктон.

Но как перебраться с острова на остров?

Посмотри на эти тонкие, мерцающие нити. Это мосты.

Они сотканы из застывшего утреннего тумана. Когда на них ступаешь, мост чуть слышно звенит, как натянутая струна. Он кажется прозрачным, невесомым. Идти по нему - значит каждую секунду бороться с первобытным ужасом падения. Свист ветра в ушах. Облака клубятся где-то далеко внизу. Один неверный шаг, одна слишком сильная вибрация - и мост рассыплется облачной пылью.

Жизнь здесь легка и беспечна только на первый взгляд. Обитатели Архипелага - воздушные кочевники. Они строят свои дома-гнезда на краю обрывов и учатся летать раньше, чем ходить. Они живут в постоянном балансе, понимая, что их мир висит на волоске. На тонком, дрожащем волоске тумана над бесконечной бездной.

Именно в этой бездне, далеко за пределами видимости, скрыт центр всего.

Тир-Моран: Планета-книга и дыхание Бездны

Мы добрались. Ступай тихо. Здесь нельзя шуметь.

Тир-Моран - это лесной город, но лес особый. Здесь нет привычных листьев или сосновых иголок. Кора здешних тысячелетних дубов бела, как пергамент. А вместо сока по их прожилкам течет густая, черная тушь. Ветер, играя в кронах,

не шумит - он шелестит, словно сотни невидимых рук одновременно переворачивают страницы гигантской энциклопедии.

Это мир-Библиотека. Главный Офис Ордена Архивариусов.

Каждое дерево здесь хранит память. В годовых кольцах этих исполинов записана история рождения звезд, гибели империй, движения комет. Архивариусы - седые, сгорбленные старцы в мантиях цвета старой бумаги - бродят среди стволов, аккуратно считывая кору кончиками пальцев.

Но в самом сердце этого леса, в дупле Старейшего Древа, корни которого уходят к самому ядру планеты, спит Первый Свиток.

Это не просто бумага. Это живой, пульсирующий артефакт, сплетенный из света Аэтириона, жара Эверхолда, тайн СирВейла и легкости Облачного сада. Это гравитационный якорь, стержень, на котором держится вся эта невозможная, прекрасная карусель миров.

ГЛАВА 2. Природа Бреши

Посмотри на свои руки. Сожми пальцы в кулак. Чувствуешь, как ногти впиваются в кожу? Как бьется пульс на запястье? Тебе кажется, что это жизнь. Тебе кажется, что это - реальность.

Но что, если я скажу тебе, что тепло твоего тела, тяжесть воздуха и цвет неба - это лишь идеально выверенные строки бесконечного кода?

Мы живем внутри Системы. Это не просто машина, это всемогущий, слепой и безупречный бог, сотканный из чистой логики и первородной магии. Она - идеальный двигатель, непрерывно транслирующий ту реальность, которую мы видим за окном. Но у всего, даже у божественного механизма, есть свой предел прочности. Система, скованная нерушимым Законом Сохранения Информации. Ничто не берется из ниоткуда и ничто не исчезает бесследно.

И когда этот колоссальный механизм каждую наносекунду перерисовывает континенты, запускает орбиты планет и синтезирует миллиарды человеческих мыслей... возникает трение.

Возникают ошибки. Сначала это едва заметно. Тень от фонарного столба падает не под тем углом. Яблоко, сорвавшееся с ветки, висит в воздухе на долю секунды дольше, чем положено гравитацией. Человек, идущий навстречу, вдруг моргает - и ты замечаешь, что у него два левых глаза, прежде чем морок рассеивается.

Это баги реальности. Осколки удаленных личностей, которые цепляются за возможность существования. Противоречивые законы физики, искрящиеся на стыках разных локаций, словно оголенные провода под дождем. Наверняка твой первый порыв - крикнуть: «Исправьте это! Сотрите аномалию!».

Но Архитекторы Системы знают страшную правду: мгновенное уничтожение каждой такой пометки требует чудовищных затрат. Система черпает силы из тончайшего, невозможного эфира - своего магического ресурса. Если она начнет выжигать каждую пылинку хаоса лазером абсолютного порядка, её резервуары стремительно опустеют.

А знаешь, что бывает, когда у бога заканчиваются силы? Наступает Каскадный Сбой.

Представь себе мир, который внезапно замерз. Птицы, застывшие в небе, как приколотые булавками бабочки. Вода,

повисшая в воздухе хрустальными каплями. Люди, запертые в парализованных телах, не способные ни вздохнуть, ни умереть, обреченные вечно смотреть на зависший кадр рассыпающейся вселенной. Тотальное зависание реальности. Абсолютное ничто, запаянное в янтарь бесконечности. Чтобы спасти процветающие мегаполисы от этой участи, Архитекторы пошли на сделку с дьяволом. Они создали механизм контролируемого сброса.

Они создали Деревни. Ты идешь по дороге прочь из сверкающего Центрального Города. Асфальт постепенно сменяется битой грунтовкой, а воздух становится тяжелым, вязким, словно ты погружаешься на дно кисельного океана. Впереди встает стена тумана.

Туман здесь настолько густой и неестественно белый, что кажется твердым. Он глушит звуки, съедает цвета и пахнет жженой резиной. Это карантинная зона. Шагни сквозь эту пелену, и ты окажешься в Бреши. В Деревне. Для непосвященного это место выглядит как забытое богом захолустье. Покосившиеся деревянные избы, грязные улицы, хмурые люди. Но присмотришься внимательнее. Видишь тот колодец? Ведро в нем падает бесконечно, так и не достигая воды, но местные каждое утро достают оттуда ледяную влагу. Видишь ту собаку? Она лает, но звук приходит с задержкой в три секунды, словно эхо, заблудившееся в пустой комнате.

Деревни - это мусорные корзины Системы. Сюда, в эти резервации, великая машина сливает все свои отходы: лишние, эмоции миллиардов людей, логические дыры, обрывки неиспользованных сценариев судьбы. Местные жители - не просто люди. Они - живые, дышащие громоотводы, впитывающие в себя системный хаос. Подойди к любому из них. Загляни ему в глаза. Ты увидишь там бездну сводящего с ума противоречия. Спроси кузнеца о его детстве. И он, не моргнув глазом, расскажет тебе три абсолютно разные истории. В первой - он вырос сиротой при монастыре. Во второй - он был младшим сыном зажиточного купца. В третьей - он вообще родился стариком и рос вспять. И для него - это нормально. Его разум сшит из обрезков чужих удаленных воспоминаний. Он не сходит с ума только потому, что безумие здесь - это базовый закон физики. Они переваривают этот хаос своими жизнями, чтобы жители Центральных Серверов могли наслаждаться безупречной, гладкой реальностью.

Вокруг Деревень, по самому краю белого тумана, стоят Инквизиторы.

Они закованы в тяжелую, матово-черную броню, поглощающую свет. В их руках - оружие, способное стирать всех, кто попытается выйти. Они холодны, безжалостны и фанатично преданы Системе. Но они никогда не переступают чер-

ту тумана. Они никогда не устраивают зачисток внутри. Почему? Потому что Инквизиция знает то, чего не знают обыватели.

Деревня - это не просто ошибка. Это клапан сброса давления в гигантском, раскаленном добела паровом котле. Что будет, если наглухо заварить предохранительный клапан в кипящем котле? Правильно. Металл зарычит, выгнется, а затем произойдет взрыв такой чудовищной силы, что от кочегарки не останется даже пыли.

Стереть Деревню - значит лишить Систему стока для яда. Если уничтожить эту мусорную корзину, накопленный, концентрированный хаос не исчезнет. Он по закону сохранения хлынет обратно, по невидимым проводам, прямо в сверкающие, идеальные Города. Он разорвет ткань нормальной реальности в клочья. небоскребы начнут кровоточить, гравитация поменяет знак, а люди забудут, как дышать.

Но каково это - быть по ту сторону тумана? Каково это - родиться ошибкой?

Я покажу тебе читатель один из дневников женщины, чья личность была сшита из обрывков трех удаленных файлов, - ты прочитаешь там строки, от которых веет бесконечным, ледяным одиночеством.

«Небеса над нашей деревней... они никогда не были по-настоящему синими, - пишет Анна, и её почерк дрожит, словно символы пытаются разбежаться с листа. - Они всегда казались слегка выцветшими. Представь себе старый, желтоватый пергамент, который упрямый монах слишком часто и безжалостно тер грубой пемзой, пытаясь стереть написанное. Текстура неба была рыхлой, шершавой.

Ночью мы ложились на сухую траву и смотрели вверх. Мы ждали чуда. Но Система - расчетливый скряга. Она не тратила свои драгоценные вычислительные мощности на прорисовку звезд в нашей Брешии. Над нами висела лишь плоская, глухая чернота.

Мы были другими с самого рождения. Здешние мальчишки появлялись на свет уже с готовыми, застарелыми рубцами от ударов мечей на груди. Они носили шрамы от великих войн, которых никогда не существовало в истории этого мира. Наши старики, сидя у очага, который давал свет, но не давал тепла, шепотом рассказывали сказки о мертвых, несуществующих богах. Богах, чьи имена вызывали у нас фантомную боль в сердце.

Кто мы такие? Мы не люди. Мы - просто сгустки чужих

снов. Мы - живые, кровоточащие метафоры, сброшенные безжалостной рукой Архитектора на самую грязную обочину Великого Текста Вселенной. Мы гнием в этом тумане, мы несем на своих плечах тяжесть чужих, стертых грехов лишь для того, чтобы там, далеко, идеальные, глянцевого города Центральные Серверы могли дышать ровно. Чтобы они могли дышать без ошибок. Но почему так? Почему я? Я не помню... Завтра я снова все забуду, эти проблески памяти такие редкие.»

Когда ты читаешь это, иллюзия нормальности окончательно рушится.

Система совершенна лишь потому, что её уродство спрятано в тени. Каждая твоя счастливая улыбка, каждый безоблачный день в идеальном городе оплачен чьим-то безумием в деревне, обернутой туманом. Машина гудит. Система компилирует реальность.

Хаос копится в корзинах, готовый однажды перелиться через край.

«И когда это случится... никакой туман, и никакая Инквизиция нас не спасут

ГЛАВА 3. Архивариусы

Время во вселенной - это не монолит. Это грубый, изодранный, исписанный вдоль и поперек черновик. И он отчаянно, ежесекундно нуждается в жестокой редакторской правке. Если оставить его как есть, буквы поплывут, абзацы реальности наложатся друг на друга, и ткань бытия просто рассыплется в гниющую труху. Чтобы этого не произошло, во тьме веков, в самой гулкой глубине мироздания, зародился Орден Архивариусов.

Их не купишь. Им не предложишь корону, золото или власть над материками. Для тех, кто видит мир как набор светящихся, перепутанных строк, сундук с золотом - лишь глупая опечатка в повествовании. Вся мирская суета для них - пыль. Они живут ради одной, фанатичной цели: сохранить чистоту Сюжета. Сохранить мировой порядок.

Вычислить Архивариуса в толпе почти невозможно. Они носят серые и глухие черные одежды, сливаясь с тенями. Их движения скупы, точны и невероятно осторожны - так двигается реставратор, склеивающий рассыпающийся в прах тысячелетний папирус. Но глаза... Их глаза видят всё. Истинный Архивариус с одного взгляда распознает фальшь в

структуре пространства. Он видит дешевые иллюзии, наброшенные Инквизицией, и легко читает следы призраков давно ушедших эпох, словно проступающий сквозь свежую краску старый текст.

Сделав свою работу, они исчезают, аккуратно стирая воспоминания о себе у всех случайных свидетелей. Враги беснуются, ища их следы, но как найти того, кто способен вырвать страницу со своим именем из самой памяти мира?

Однако число членов Ордена стремительно сокращается.

Эта работа требует чудовищного, колоссального напряжения сил. Найти сегодня истинного Хранителя, который помнит самые истоки этого страшного ремесла - все равно что найти живую искру в давно остывшем пепле. Жесткая цензура эпох, охота и кровопролитные войны почти выкосили их древние ряды.

Древние предания гласят, что Орден был создан не людьми, а самой необходимостью. На заре веков, когда человечество только училось выводить первые руны на камнях, Архивариусы выходили к общинам. Они были учителями. Они диктовали законы, помогая варварам вписать себя в Сюжет мироздания.

Но, когда первые великие цивилизации рухнули, захлебнувшись в собственной крови, Орден понял: мир не терпит прямого вмешательства. И тогда они ушли во мрак. В глубокие, недостижимые подземные хранилища-библиотеки, где вечный покой и тишина стали их естественной средой обитания.

Там, в пыльной тишине, структура разделилась на три Круга, три столпа, на которых держится реальность:

-Хранители: Седые стражи Истины. Они берегут изначальные смыслы от забвения, охраняя первоисточники от плесени времени.

-Писари: Молчаливые хроникеры. Они методично, секунда за секундой, фиксируют каждое изменение реальности. Они знают, каким мир был вчера, до того, как его переписали.

-Исправители: Скальпели Ордена. Единственные, кто покидает уютные склепы библиотек. Они выходят на поверхность, чтобы своими руками вскрывать гнойники мироздания, вырезать лишнее и спасти основы вселенной.

Архивариусы не используют заклинания. Они не колдуньи, чтобы бормотать смешные стишки. Они - редакторы. И

они владеют пугающим навыком «Смены Шрифта».

Представь, что твое тело - это абзац текста. Архивариус способен усилием воли переписать собственный код, изменить форматирование своего естества.

Они превращаются в тени - легкие, скользящие по стенам пятна мрака, которые невозможно ранить ни пулей, ни клинком. Тень просачивается сквозь замочные скважины в самые охраняемые хранилища. Для разведки и бегства они меняют «шрифт» на звериный - оборачиваются бесшумными совами, режущими крыльями ночной воздух, или гибкими котами, растворяющимися в подворотнях. Их сознание остается кристально ясным, но оно вынуждено подчиняться физическим законам новой формы.

И в этом кроется смертельная ловушка.

Задержись в чужом «шрифте» слишком долго и твой оригинальный текст начнет стираться. Архивариус рискует навсегда забыть свое человеческое имя, свои воспоминания. Рискует остаться диким зверем, воющим на луну, или бездумной тенью, привязанной к холодной стене. Магистры под страхом смерти запрещают юнцам менять облик без призора.

Но самая страшная работа начинается тогда, когда Исправитель находит Ошибку. Ту, которую нужно удалить. Человека, событие или целое здание.

Забудь о клавиатурах и экранах. Редактирование реальности - это физически и ментально изматывающая пытка. Это агония.

Архивариус останавливается. Его физическое тело стремительно коченеет, превращаясь в соляной столб. Дыхание замирает. А сознание в этот момент проваливается на изнанку мира, туда, где вся вселенная выглядит как бесконечный, ревущий поток ослепительно светящихся нитей.

Ему нужно найти одну конкретную строку.

Он достает свои главные инструменты - Стилистический Стилос и Иглу Смыслов. Это не металлические предметы, это концентрация чистой воли.

Вырезать строку невероятно сложно, потому что ничто не висит в пустоте. Люди и предметы намертво привязаны к миру эмоциями, якорями памяти, старыми вещами и чужими судьбами. Вырвать человека из текста - все равно что вырвать дерево с корнем из живой плоти земли. Часто люди, чьи строки пытаются «вынуть», не выдерживают этого кос-

мического напряжения и просто умирают в агонии от разрыва сердца еще до того, как их сотрут.

Представь, что Архивариусу нужно стереть дом.

Он не может просто снести его. Он берет Стилос и начинает мучительно, по одной, расплетать нити. Он аккуратно вымарывает фундамент, прописывая на его месте поросший пыреем пустырь. Но этого мало! Он берет Иглу Смыслов и начинает сшивать рваные края реальности. Он проникает в умы соседей, меняя их воспоминания: отныне они всегда знали, что здесь был только пустырь. Он переписывает маршрут дворовых собак. Он даже должен изменить траекторию ветра, который теперь беспрепятственно гуляет по пустырю, не встречая кирпичной преграды!

Один пропущенный узелок - и ткань реальности пойдет чудовищными складками.

Думаешь, это проходит бесследно?

Закон сохранения безжалостен. Нельзя просто вырезать кусок бытия и выбросить его в никуда.

Редактирование причиняет Архивариусу невыносимую, жгучую боль. Когда он удаляет реальность, часть её осадком

оседает в нем самом. Это профессиональная болезнь, страшное проклятие Ордена.

Посмотри на руки старого Исправителя. Ты увидишь на них темные, несмываемые чернильные пятна. Они въедаются в кожу, словно трупный яд.

Но хуже того, что происходит с разумом. Вырезанные из Сюжета люди не исчезают окончательно. Их оборванные, кровоточащие воспоминания, их смех, их страхи и их последние крики навсегда оседают в голове Архивариуса.

С каждым стертым домом, с каждой вымаранной судьбой их собственный разум превращается в переполненную братскую могилу призраков.

Старые, седые Архивариусы в конце своего пути неизбежно сходят с ума. Сидя в своих подземных библиотеках, они плачут по детям, которых у них никогда не было, вспоминают поцелуи женщин, которых они сами стерли из реальности столетие назад, и путают свою собственную, истерзанную жизнь с жизнями тех вымаранных людей, чьи истории они забрали в себя.

ГЛАВА 4. Троица из ТирМорана

В архивах Ордена, под тяжелыми сводами из камня, который помнит еще первый вздох мироздания, эти имена были вымараны. Орден Архивистов, этот безжалостный корректор бытия, классифицировал их как «выпавших из верстки». Для идеальной, стерильной структуры Ордена они были как уродливое, расплывающееся чернильное пятно на безупречно белом листе пергамента. Аномалия, которую следовало иссечь скальпелем, но которая упрямо отказывалась исчезать.

Их было трое. Трое отступников, чьи судьбы сплелись в узел, который не под силу распутать даже самому искусству «Смены Шрифта».

Виктор начинал свой путь на окраине Аэтириона, в архиве, чьи окна выходили на вывернутые к небу корни исполинских деревьев. Его коллеги-Писари - педантичные, сухие люди - презирали его. Они молились на формулы, на жесткие алгоритмы редактирования, тогда как Виктор обладал тем, что они называли «опасной слабостью»: интуицией.

Он видел фальшь в структуре пространства раньше, чем

та успевала воплотиться в событие. Он чувствовал, как мироздание начинает «проседать» от лжи, еще до того, как появлялась трещина. Его пальцы, вечно испачканные густой, едкой чернильной пастой, никогда не расставались с пером. Говорили, что это не обычное орудие труда, а обломок того самого Первого Свитка, из которого когда-то была соткана вся Ноктера. Виктор не умел писать «правильно» - он писал так, как требовало живое сердце мира, и это раздражало старцев из Тир-Морана до зубовного скрежета.

Анабель была иной. Высшая каста, элита Исправителей из самого сердца Тир-Морана. Она была безупречна, холодна и опасна, как наточенная игла. В её руках структурное редактирование превращалось в высокое искусство - она могла замедлить Разлом, просто подправив края реальности, как портной подшивает расползающийся подол платья.

Она носила плащ из туманных нитей, украденный с архипелагов Облачного сада, и в её глазах, подобных холодному ртутному зеркалу, отражалась вся история миров. Орден ненавидел её за радикальность: Анабель не просила разрешения у Сюжета, она переписывала его, не задумываясь о цене. Для нее законы реальности были лишь рекомендациями, которые можно проигнорировать ради великой цели.

Происхождение Астериона - тайна, за которую в Ордене полагалась смертная казнь. Документы сухо именовали его «Тенью Сопровождения», но что это значит, не понимал никто.

Астерион не был человеком. Это была воплощенная мифическая субстанция, чернильный пар, способный принимать любые формы: от изящного хищного кота с глазами, полными звездной пыли, до бесформенного сгустка тьмы, сквозь которую невозможно пробиться ни мечом, ни магией. Астерион видел пробелы, он понимал намеки, которые пропускали даже самые прозорливые магистры. Он стал наставником для Виктора и Анабель, единственным, кто понимал, что Разлом - это не просто ошибка.

Союз этих троих родился в огне. Когда первый аванпост на границе СирВейла стерли с лица реальности, Орден проигнорировал это, назвав *«незначительным искажением текста»*.

После этого случая Виктор, Анабель и Астерион ушли в самоволку. Они пошли через Серые Поля на окраине Эверхолда, где промышленная копоть, смешанная с седым туманом, создавала жуткую, давящую атмосферу. Здесь они увидели истинный лик Разлома: это был не взрыв, это был откат. Металлические конструкции шахт распадались на ис-

ходный, неструктурированный код, переходя в бесплотный эфир. Мир не умирал - он просто переставал быть.

Анабель, вскинув руки, вычертила в дрожащем воздухе глифу фиксации.

- Процесс ускоряется, - её голос звучал как лед, бьющийся о камень. - Они пожирают транспортные узлы. Когда Эверхолд погаснет, кинетическая энергия системы обнулится. Ноктера просто остановится, как механизм с севшей пружиной.

Виктор, чьи глаза были залиты слезами от осознания того, как искажается реальность, прошептал:

- Это не ошибка системы, Анабель. Это зачистка. Создатель признал этот вариант вселенной бракованным. Он запускает удаление.

Астерион, обернувшись котом, чья шерсть переливалась мертвенным светом звезд, сел перед пульсирующей чернотой Разлома.

- Ваши мысли ограничены страхом потери, - произнес он, и этот низкий голос отозвался вибрацией в костях. - Вы пытаетесь спасти черновик, который уже скомкан. Разлом не

убивает - он освобождает место для нового.

После этого они искали Ключ к Первому Свитку, надеясь использовать его как код управления реальностью. Маршрут лежал через муки, через потерю себя, через бесконечные страницы испытаний. Точка невозврата ждала их в Облачном саду.

Когда Виктор коснулся древнего текста, реальность дала трещину. Это было то, что позже в летописях назовут «*Великим Схлопыванием*». В этот момент амбиции Анабель, её гордыня Исправительницы, взяли верх. Она не хотела спасти мир - она хотела стать той, кто его перепишет.

Предательство было молниеносным. Она вырвала ключ из ткани бытия.

Ударная волна резонанса выжгла сознание Виктора, превратив его в контуженного солдата. Пространственный разрыв выбросил его обратно в ту самую деревню, в «Корзину» для ошибок. Он живет там, среди простых людей, которые не помнят звезд. Память стала как запутанный клубок змей, где не разобрать начало и конец. Но иногда, когда на небе загораются холодные, равнодушные звезды, его пальцы непроизвольно сжимаются, и он чувствует на коже необъяснимый, фантомный привкус въевшихся в плоть чернил.

Он садится за старую, трухлявую книгу, открывает её - и на мгновение, всего лишь на краткий миг, ему кажется, что он слышит голос кота, который зовет его в Пустоту. Но он просто переворачивает страницу. Астерион, спасаясь, превратился в тень и провалился в бездну шахт Эверхолда.

Анабель бежала в Тир-Моран. Но ключ не терпит самозванцев. Он начал медленно, по строчке, поглощать её волю. Ей пришлось действовать радикально и совершить страшное преступление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.